

...Вернувшись из туалета, куда еле успела добежать, Рейнбоу Дэш чувствовала себя значительно лучше, несмотря на то, что минут десять провела в обнимку с унитазом, пока её выворачивало наизнанку. Десять минут, показавшиеся долгими часами.

Гренки было жалко. И стакан виски тоже. А минералку нет.

Сэм куда-то вышел, видимо, принести из кладовой ещё пару ящичков выпивки.

Дэш вернулась за стойку и посмотрела на початую бутылку. Желудок сделал протестующий кульбит.

— Вот же... зараза, — сказала пегаска сама себе, — Полжизни мечтала о свободе... А теперь не знаю, что с ней делать.

В голове словно раздался спокойный голос Алекса Вендара. Хозяина. Человека, который, едва Дэш стала способна понимать человеческую речь, взялся за её воспитание:

— Посмотрев шоу и став брони, я восхитился тобой, Рейнбоу Дэш. Восхитился до самых потаённых глубин души. Но что я увидел? Ты достойна гораздо, гораздо большего, чем стоять в тени заслуг Твайлайт Спаркл, чем быть просто однократной чемпионкой и «одной из главной шестёрки». Чтобы стать лучшей во всём, тебе не хватало твёрдости. И в сериале, и здесь, где я вижу мягкотелые, бледные подобию истинной тебя. И тогда я понял, что мой долг — сделать тебя той, кем ты действительно достойна быть, закалить твои дух и тело подобно клинку. И тогда, лишь тогда, когда к твоей верности добавится нестигаемая воля и стальная твёрдость, ты приблизишься к идеалу, к которому стремишься всей душой, даже не осознавая этого.

Рейнбоу прикрыла глаза, погружаясь в воспоминания. Она за последние дни раз за разом прокручивала в памяти свою жизнь, и впервые задавалась вопросом, чего же хочет сама. Ответа не было. Алекс всегда указывал, что Рейнбоу делать и к чему идти. И очень долгое время у маленькой пони даже не возникало вопросов, почему.

Так просто было.

Конечно, он её учил. Рейнбоу тогда не знала, а сейчас было плевать, но школьную программу Алекс в неё вбил. Впрочем, пегасочка особенно и не отлынивала. Кроме того, хозяин почти не ограничивал её в выборе увлечений в свободное время, и Дэш научилась играть на электрогитаре и неплохо петь.

Но главным, а точнее, самым запоминающимся обучением стали боевые искусства, в которых Вендар был большим мастером.

Он тренировал пегасенку сам. Маленькая Рейнбоу быстро потеряла счёт, сколько раз падала на пол татами, обливаясь слезами боли. Но Алекс не давал ей спуска, и после короткой

передышки всё повторялось — до тех пор, пока приём не усваивался.

Развитие же силы, ловкости и гибкости Рейнбоу до сих пор вспоминала с содроганием. И сейчас, сидя в баре, словно заново ощущала ноющую боль, вызванную чудовищным перенапряжением. Когда сходит семь потов и весь мир словно съёживается до размеров пылающих жгутов, в которые превращаются мускулы... Но когда казалось, что мышцы завяжутся узлом или порвутся, удар палки заставлял сделать ещё хотя бы одно движение...

...И тем ценнее потом были минуты спокойствия и отдыха. Алекс сам залечивал ссадины и синяки маленькой пегаски, делал массаж и даже позволял иногда нарушать строгий режим дня. В такие моменты Рейнбоу готова была расцеловать человека, который причинял ей столько боли. И на следующей тренировке выкладывалась полностью без понуканий и побоев. Просто, чтобы добиться скупой похвалы, переполнявшей сердце гордостью.

На мордочке Рейнбоу появилась злая усмешка. Какой наивной и восторженной поняшей она тогда была! Принимала за чистую монету всё то сено, что вешал ей на уши Вендар... Росла, старалась изо всех сил, можно сказать, из шкуры вон лезла, лишь бы не видеть холодного блеска серых глаз хозяина, что каждый раз иглами впивались в облажавшуюся пегаску.

И всё же, хотя за каждое мгновение боли Рейнбоу хотелось убить Алекса Вендара собственными копытами, приходилось признавать, что тренировки пошли на пользу. Тело Дэш развивалось невероятными темпами, гармонично и равномерно. Пегаска просто светилась здоровьем и энергией на зависть всем.

Вскоре Алекс заплатил самой Спитфаер Хэнкок, чтобы та развила полётные навыки воспитанницы. И благодарная Рейнбоу стала самой лучшей ученицей за последние пять лет. Так сказала сама огненная пегаска, давно работавшая на мистера М и никогда не спускавшаяся ниже третьего места в турнирной таблице высшей лиги гладиаторов «Пони-Плея».

Похвала хозяина и жёлтой пегаски, да ещё и титул лучшего летуна по итогам соревнований «Дерби Вондерболтс», переполнила радужную пегаску распирающей гордостью. И полученная в скоростном полёте кьютимарка стала ещё одной наградой.

Кто-нибудь сказал бы, что для проявления кьютимарки у каждой пони есть специальный скрипт, вписанный в чип и нервную систему. В крайнем случае, кьютимарку можно активировать простой установкой нейродрайвера. Но Алекс не рассказывал об этом Рейнбоу, и у той был на один повод больше гордиться собой.

На шестнадцатилетие Алекс взял Рейнбоу в клуб. «Пони-Плей» стал для юной Рейнбоу Дэш Вендар целым калейдоскопом новых впечатлений. Общение с другими пони и людьми. Знакомство с Бобом и Дрейкусом, которые с радостью приняли лазурную пегаску в группу под названием «Пинк Дрэгон», сперва просто как вторую гитаристку. Но когда задравшие нос Скуталу Вайс и Свити Бель Поттер решили основать отдельный дуэт, Рейнбоу заменила и ту и другую.

Это была просто отдушина. Положа копыто на сердце — даже сейчас, думая об испытываемых чувствах, Рейнбоу не знала, как их описать. Друзья? Не сказать, чтобы близкие. На Дрейкуса положиться было нельзя — то напьётся или обдолбается, а то и просто забудет. Или пошутит так, что хочется лягнуть, да ещё и ржёт. А Боб по пьяни пытался приставать, еле отбрыкалась. Её тогда впервые посетила мысль, что Скуталу и Свити поэтому и ушли. Партнёры? Возможно, но особенной выгоды с этой музыки не получал ни один из членов группы «Пинк Дрэгон». Классика рока, новые композиции и совместные выступления роднили полную энергии радужногривую пегаску, одинокого байкера и генофрика-драконида, что вообще редко вылезал из наркотического или алкогольного угара.

К слову, именно Дрейкус впервые дал Рейнбоу попробовать спиртное. Как он сказал, «Стаканчик для потрясной, самой крутой Рейнбоу Дэш на свете».

Пегаску передёрнуло, когда она вспомнила порку, что учинил ей Алекс. Когда подопечная пришла домой с лёгким запахом виски, то впервые увидела хозяина, потерявшего самообладание. После этого два дня было не сесть на нещадно выдранный круп. Дрейкус же неделю ходил с разбитой мордой — одной Рейнбоу Алекс не ограничился. Именно после этой провинности Рейнбоу впервые познала на себе, что такое хлыст, и получила первые шрамы, символ своего позора.

Снова захотелось выпить. Но желудок имел собственное мнение, и при одном взгляде на бутылку у Рейнбоу закружилась голова, а во рту стало кисло и мерзко.

— Проклятье, — сказала она вслух, — хочу нажраться. И не могу... Жизнь — дерьмо... А, наплевать.

Она покосилась в зал. Её некому было слушать: для вечерних посетителей было ещё рано, дневных же было исчезающее мало. Между столиков сновали официантки, которых Дэш всю жизнь игнорировала, а с арены доносилось жужжание дрона, что выравнивал и уплотнял песчаное покрытие.

Арена...

Дэш улыбнулась почти доброй улыбкой. В первой же схватке радужная пегаска, тёмная лошадка соревнований, от души отделала фаворитку юниоров. Тогда, эффектно нанеся взрослой Даймонд Тиаре финальный удар, она подняла к трибунам окровавленную мордочку с заплывающим глазом и увидела, как Алекс Вендар улыбается ей. И тоже улыбнулась.

В тот день Рейнбоу действительно всей душой уверовала в слова хозяина. В то, что ей до сих пор не хватало твёрдости. Испытаний. И самым большим страхом радужной пегаски стал не страх боли и наказания, которые неизбежно сопровождали нерадивость и лень, а страх подвести Алекса, который столько сил и времени вкладывает в её, Рейнбоу, воспитание.

В тот день хозяин позволил ей слопать целую банку джема, а наутро полдня проваляться в постели, и сводил в настоящее спа. Такого расслабона Дэш ещё в жизни не знала, и вечером,

набравшись смелости, взлетела и поцеловала Алекса в щёку. Тот ничего не ответил, только снова улыбнулся той самой улыбкой с арены... О, тогдашняя Дэш была на многое готова, чтобы снова увидеть её.

Пегаска вздохнула. В примерке до сих пор висела фотография: восторженно подпрыгнувшая Рейнбоу Дэш Вендар с кубком юниоров Арены в копытах, а рядом улыбающийся Алекс.

Шрамов на лазурной пегаске уже тогда хватало, но по сравнению с сегодняшним — совсем мало. Синяя с жёлтым спортивная форма вместо жёсткой кожи и лихо сдвинутая набекрень бейсболка. Но главное — весёлые, восторженные глаза, а не два горящих яростью рубина, как сейчас.

Потому что Алекс не был бы Алексом, если бы позволил подопечной спокойно почивать на лаврах.

Тренировок стало меньше, но каждая теперь стоила двух. И Рейнбоу снова пришлось повизгивать от ударов бамбуковой палки, подгонявшей пегаску на новый, ещё не виданный уровень.

Все достижения прошлого как будто оказались забыты. Дэш снова чувствовала себя малолетней неумехой, вполне заслуженно получавшей по крупу палкой.

Алекс объяснил, что готовит Рейнбоу к выходу в чемпионскую лигу арены «Пони-Плея», и пегаска с мрачной решимостью приняла это.

Но первый же бой на новых условиях кончился для Рейнбоу разгромным поражением. И боль от синяков и шишек была просто ничем по сравнению с тем, что испытала пегаска, взглянув в глаза Алекса Вендара, с гневом и разочарованием взиравшего с трибун...

...Человек затаскивает избитую Рейнбоу домой и без церемоний швыряет на пол. Та не издаёт ни звука, хотя всё тело нещадно болит. Она знает: сейчас будет урок. С разбором ошибок и наказанием в качестве закрепления материала.

— Ты облажалась, Дэш, — говорит Алекс бесстрастным голосом.

— Моим противником был грифон! — всё же пытается возражать пегаска, — Вдвое тяжелее меня!

— В победе над слабым нет достижения. Пока ты этого не поймёшь, будешь неудачницей, до кровавых соплей которой никому нет дела. А неудачниц ждёт не жалость, а наказание...

— Заслуженно... — соглашается Рейнбоу.

Она быстро срывает с себя пропитанную потом и пылью арены одежду и усаживается спиной к хозяину в ожидании очередной порки:

— Я готова.

— Нет.

Дэш хлюпает разбитым носом и удивлено оглядывается. Алекс прощает? Совсем не похоже на него.

— Ты выросла, Рейнбоу, — качая головой, говорит хозяин и смотрит как-то... по-новому, — и стала слишком сильной для этого. Видимо, пришло время. Идём!

На заднем дворе Алекс выдаёт Рейнбоу шест, и впервые дерётся с ней всерьёз. Пегаска на первой же минуте понимает, что всё, что было до того — просто игра. И в этот раз Алекс не останавливается даже после того, как пегаска падает.

Очень скоро избитая Дэш скрючивается на песке тренировочной площадки и содрогается в сдавленных всхлипываниях. Человек нависает над ней и придавливает мордочку ногой.

— Тебе всё ещё не хватает твёрдости, — говорит Алекс, — и злобы.

— Слишком... больно... — сдавленно хрипит пегаска.

— Боль и наслаждение — это одно и то же, — голос человека по-прежнему бесстрастен, — Тебе пора принять это. Превратить в холодный гнев, который поднимет тебя на новый уровень, и, наконец, раскроет твой потенциал полностью.

Он несёт её в другую комнату, где стоит невысокий топчан, на котором раньше Алекс делал пегаске массаж, разминая растянутые и перетруженные мышцы. Сопrotивляться нет сил, и Дэш даже не сразу осознаёт, что прямо сейчас Алекс не намерен приводить её в порядок, как обычно происходило раньше. Вместо этого он застёгивает на её ногах специальные крепления, до недавнего времени всегда остававшиеся без дела...

Рейнбоу Дэш — совсем не жеребёнок. И ей вовсе нетрудно догадаться о намерениях хозяина. Конечно, в силу возраста её посещали иногда странные мысли и даже сны, в которых роль жеребца играл Алекс Вендар. Но там всё было по-другому.

И вообще, радужная пегаска совершенно не так представляла свой первый раз.

Ей нравится Соарин Пишчек, и в воображении Рейнбоу представляется схватка или гонка, после которой разгорячённые пони идут в душ... вместе. И под утро уже засыпают в постели,

совершенно измотав друг друга...

...Но реальность куда прозаичнее.

Моментально растеряв и решимость, и задор, она находит в себе силы только еле слышно прошептать:

— Алекс, не надо! Только не это...

— Неправильный ответ, — говорит тот прежним голосом, наматывая на руку радужный хвост.

В «Пони-Плее» Рейнбоу Дэш Вендар успела повидать всякое. И наслушаться от других пони тоже. Но какой же радостью переполнялось сердце, когда она говорила вялым, сломленным недорейнбоу, что Алекс Вендар хоть и строг сверх всякой меры, но никогда не распускает рук. И ловя завистливые взгляды других радужных пегасок, просто раздувалась от гордости, что именно её хозяин и учитель не такой.

...Ритмично содрогаясь от движений человека и думая об этом, Рейнбоу до крови кусает и без того разбитые губы и зажимуривает глаза, изо всех сил стараясь сдержаться. Но проходит совсем немного времени, и сил терпеть не остаётся.

Боль, унижение и разочарование перемножаются и перерастают в чувство, которому Дэш до сих пор не находит определения.

К боли она давно привыкла. Но ЭТО уже слишком.

— Прошу тебя... — говорит пегаска сквозь рыдания, забыв о гордости, — перестань... Умоляю!

— Эти слёзы должны будут смениться слезами радости, — словно не слыша, говорит человек и поглаживает кютимарку в виде облака с молнией, — и никак иначе.

В его голосе уже нет спокойствия. Боль и мольбы беспомощной жертвы только распаляют изверга. Тогда радужная пегаска начинает кричать и вырываться. До хрипоты и содранной оковами шкурки. В отчаянии выкрикивая оскорбления и угрозы.

И даже когда наступает финал, Дэш не испытывает облегчения.

Потому что не нужно быть Твайлайт Спаркл, чтобы догадаться: это лишь первый раз из многих...

— Уже почти, — резюмирует хозяин хриплым голосом, — Но всё ещё не то...

...Очнувшись после изнасилования, Рейнбоу выползает из кровати и, забившись в стенной шкаф, всю оставшуюся ночь сидит, обхватив себя ногами и отказываясь верить, что это случилось именно с ней. Кажется, весь мир разделился для неё на «до» и «после». И что бы она ни думала об Алексе Вендаре раньше — теперь перед ней предстала другая сторона хозяина, не имеющая ничего общего со сформировавшимся образом.

...Рейнбоу Дэш, снова вынырнув из воспоминаний, схватила недопитую бутылку и запустила в стену бара. Во все стороны разлетелись осколки тёмного стекла и брызги пахучего сорокоградусного пойла.

— Алекс! — выкрикнула пегаска, — Даже из могилы ты смеёшься над моей болью, ублюдок! С-сука! Ненавижу!

Вернувшийся Сэм неодобрительно покосился на пятно, которое сразу бросилась протирать одна из официанток. Кажется, это была Сансет Шиммер Вторая, сейчас опасливо озирающаяся на Дэш. Да, точно, Вторая — в ухе отливала латунью серьга с синим камушком.

— Никто... никто больше не будет смеяться надо мной, — услышал бармен бормотание Рейнбоу, что неверной походкой направилась к выходу.

— Куда собралась, Рейнбоу? — спросил Сэм, но осёкся, когда пегаска оглянулась и вперила в него взгляд прищуренных глаз цвета чистого рубина, — Дрейкус звонил, они часа через два подъедут репетировать.

— Хочу хорошенько пнуть одну малявку, — процедила пегаска, — Так, чтоб не встала больше.

Сэм вздохнул и покачал головой.

— Она сбежала, помнишь? — спросил он, — Кто-то ей помог. Почти год тому назад. Ты уже до чёртиков допилась, Рейнбоу Дэш!

Пегаска пропустила замечание человека мимо ушей.

— Я её найду, — прорычала она, расправляя крылья, — и она пожалеет, что вылезла из своего инкубатора. Я устрою такую фабрику радуги, что эта мелкая дрянь будет умолять о смерти как о милости!

— Дэш, это всего лишь жеребёнок...

— Эта мразь посмела сказать мне в лицо, что я ненастоящая Рейнбоу Дэш! — накручивая себя, прокричала лазурная пегаска, — На арене я убиваю за меньшее! За меньшее!

Сэму стало не по себе, таким тоном это было сказано.

Хлопнула дверь, и с улицы вскоре донёлся хлопок крыльев и отдаляющийся крик:

— Я тебя найду! Слышишь, малявка?! Найду!

Бармен вздохнул и переглянулся с официанткой, которая от страха забилась под ближайший стол. В аквамариновых глазах стоял настоящий ужас. Рейнбоу Дэш Вендар не скупилась на тумачи для прислуги, за которую никто не думал заступаться.

— Понимаю тебя, — сказал Сэм, принимаясь протирать стакан, — Рейнбоу после смерти Алекса сама не своя. Иди, передохни. Похоже, сегодня выступление «Пинк Дрегон» придётся отменить...

Рыжая единорожка что-то благодарно пискнула и быстро ретировалась.

...С того дня за малейшую провинность Рейнбоу оказывается на диване с креплениями. И очень скоро познаёт всё, что человек может сделать с беспомощной пони, руководствуясь похотью и безнаказанностью.

Даже массаж после тренировок становится другим. По крайней мере, теперь прикосновения сильных, умелых рук хозяина вместо расслабления и удовольствия заставляют чувствовать лишь отвращение.

Тогда Алекс говорит, что преодолеть всё это, слить воедино боль и удовольствие — новая высота, к которой должна стремиться Дэш. Но та не находит в себе сил перешагнуть через себя и смириться. Хотя и старается, раз за разом пытаюсь заставить себя наслаждаться — и, тем не менее, испытывает лишь разочарование и злость.

И это бессилие достигнуть чаемой высоты постепенно перерастает во всё возрастающую жестокость, что выплёскивается на арене. И вскоре, снова встретившись с тем грифоном, Дэш Вендар с наслаждением сворачивает птичью шею, несмотря на судейскую сирену, возвестившую об окончании боя.

Потому что именно этого грифона Рейнбоу теперь винит в том, что жизнь так круто изменилась. И мстит. Жестоко и безжалостно.

Рвутся отношения с Соарином Пишкеком, потому что Рейнбоу теперь начинает просто колотить от чужих прикосновений. И когда увидевший подавленность подруги жеребец пытается её обнять, она изо всех сил бьёт его копытом. Пока Рейнбоу приходит в себя, Соарин уходит и больше в «Пони-Плее» не появляется. И его хозяин тоже.

Она меняется даже внешне. Спортивную форму сменяет чёрная кожа — по ней скользят захваты, а тяжёлые шипы и заклёпки служат дополнительным оружием и защитой. За длинную гриву легко ухватить, и Дэш стрижёт радужные пряди до состояния коротенького гребня. Шрамы давно покрывают лазурную шкурку, но теперь Рейнбоу гордится ими, хотя свежие старается скрывать под косметикой...

...От копыт лазурной пегаски погибает ещё несколько гладиаторов. Особую же жестокость Дэш проявляет к своим двойникам. Одни имеют глупость пошутить по поводу того, как теперь с ней развлекается хозяин. Другие пытаются бросить вызов. Третьим просто живётся легче и счастливее — и таких Рейнбоу просто ненавидит. Вскоре все усваивают: если против Дэш Вендар выставить другую радужную пегаску, это станет для неё приговором, поскольку по силе и умению с новой фавориткой не сравнится почти никто, а по жестокости — тем более.

Но больше всего Рейнбоу Дэш ненавидит свой образ из шоу. Счастливый и беззаботный, живущий в невинности и счастье среди любящих сердец и восторженных поклонников.

Образ, вдохновивший Алекса Вендара. Это ввергает пегаску в состояние бессильного бешенства. О, иногда она просто мечтала добраться до выдуманной страны пони! С каким наслаждением она собственными копытами прибила бы свой оригинал!

Но Алекс неумолим. И чемпионка арены, солистка группы «Пинк Дрэгон» и просто самая крутая Рейнбоу Дэш клуба «Пони-Плей», дома вновь и вновь становится беспомощной жертвой, несмотря ни на сопротивление, ни на просьбы, ни на молчаливое терпение.

Все достижения Рейнбоу будто остаются там, за дверями «Пони-Плея». И хотя Алекс по-прежнему заботится о лазурной пегаске, в её сердце восхищение хозяином уступает место настоящей ненависти. За боль и унижение. За мерзкие прикосновения и безжалостные, молчаливые насмешки над неудачами и мольбами о пощаде.

И в то же время Алекс умудряется разбавлять всё это новыми наставлениями и советами, которым приходится, чёрт побери, следовать. Эти передышки становятся самым лучшим лечением и расслабляющим отдыхом, но после них мучения лишь накатывают с новой силой.

До дальнейших объяснений своих поступков хозяин не снисходит, несмотря на расспросы недоумевающей пегаски. Лишь улыбается краешком рта, как будто нарочно издеваясь над ней, и продолжает твердить о новом этапе, который надо преодолеть самостоятельно и завершить, наконец, обучение.

...Несколько часов спустя Рейнбоу Дэш подвела итог своей речи, стоя в неосвещённой комнате:

— ...В общем, я ухожу.

— Да-а? — протянул слащавый голос из высокого кресла, скрытого в тени, — И куда же ты пойдёшь?

— Я могу о себе позаботиться.

— Нет, не можешь, — уверенно возразил собеседник Рейнбоу, — Я вижу взбалмошную девчонку, которая лишилась своего хозяина и теперь не знает, что ей делать. Но вот беда: помимо того, чтобы кривляться на сцене да участвовать в драках, она ничего не умеет.

— Я умею петь и играть на гитаре!

— ...Чем тоже занимаешься в моём клубе. Что же, будешь торговать своим телом или участвовать в настоящих боях без правил, которые заканчиваются смертью одного из участников? Против орка или ксеноморфа... да что там, против тренированного человека у тебя нет шансов. Как бы ни старался мистер Вендар, мир его праху.

Рейнбоу сделала шаг вперёд, но была остановлена раздавшимся из темноты предупреждающим шипением.

Пегаска процедила сквозь зубы:

— Слушай меня, ты, гребанная крыса, я сама решаю, как мне жить. И я могу найти работу, не связанную с насилием и торговлей крупом.

— Крыса, значит? — Владелец голоса хохотнул, — Ну хорошо. Но помни мои слова: через неделю, когда ты не сможешь найти работу, ты приползёшь сюда и будешь лебезить передо мной, точно так же, как лебезила перед своим человеком. Лишь бы угодить мне и чтобы я вернул тебе твою работу. А вернее, работу Спитфаер, чья кровь на тебе... Как не стыдно было убивать наставницу!

— Ну всё, я тебя сейчас... — зарычала радужная пегаска, но вдруг почувствовала, как в грудь ей упирается острый шип на конце гибкого хвоста, а шипение из предупреждающего превратилось в угрожающее.

Из темноты снова раздался голос:

— Ну и что ты сделаешь? Будешь буравить меня своими большими глазами? Или попытаешься ударить? Даже если предположить, что ты успеешь... это будет жалкое зрелище. Потому что больше ты ни на что не способна. Ты лишь кукла для битья. Так что хочешь уходить — проваливай. Но ты вернёшься. Такие, как ты, всегда возвращаются.

— Как только я закончу со своими делами, я приду за тобой, и твоя уродская шавка мне не мешает, — процедила сквозь зубы пегаска.

— С нетерпением буду ждать нашей следующей встречи.

Когда за Дэш закрылась дверь, рука в белой перчатке погладила лежащее рядом с креслом чудовище.

— Крыса... — сказал голос, — Почему все считают это оскорблением, интересно? Их умению выживать можно только позавидовать.

Монстр издал согласное шипение. Говорить он не умел, но интеллект подобных существ зачастую недооценивали, что становилось фатальной ошибкой.

— Знаешь, — продолжил хозяин белой перчатки, продолжая гладить питомца, — я восхищаюсь мистером Вендаром. Он создал совершенного бойца. Правда, немножко не доделал, но думаю, мы что-нибудь придумаем, правда?

Из темноты снова раздалось шипение.

Рейнбоу Дэш вышла из кабинета. В ушах всё ещё стояло мерзкое, беззаботное хихиканье.

Она оглянулась на двух мордovorотов, охраняющих двери. Те, прекрасно слышавшие разговор, только глупо улыбались.

— Да любитеcь вы все понем! — прорычала Рейнбоу и взлетела.

Сладкое, холодное блюдо отмщения поджидало.

* * *

Серафима объехала ещё несколько мест, где, по идее, могли что-то знать. Но, к сожалению, либо нужных людей и нелюдей просто не оказывалось на месте, либо они были не в курсе про мятно-зелёную единорожку-синтета, пропавшую пару дней назад.

Виктор же почти не участвовал в разговорах, замкнувшись в себе и погрузившись в мрачные раздумья.

Когда они вышли из очередного питейного заведения, солнце уже скрылось. Небо ещё было светлым, но самого светила было не видно из-за нагромождения построек. Заметно

похолодало, и промозглый ветер пробирал сквозь тонкую рубашку.

Серафима решила приободрить парня:

— Вик, слушай, тебе надо отдохнуть. И главное, не вешай нос...

Она осеклась. Собеседник вовсе не слушал её, блуждая где-то далеко, где маленькая лошадка была снова рядом с ним. Счастливая и беззаботная, обласканная благами Белого города и, чего уж там, живущая куда счастливее миллионов людей.

Серафима подумала, что какая-нибудь подобная поняша наверняка никогда не голодает, не работает по восемнадцать часов в сутки и не забивает голову вопросом, застанет ли свой дом в целости и сохранности, когда вернётся.

— А может быть, Лира всё же... — начал было Виктор, но Серафима резко оборвала его, повысив голос:

— Эй! Я за тобой таскаюсь по подворотням Серого города не потому, что мне заняться нечем! И не потому что Зельда попросила меня помочь. И даже не из-за денег, которые ты мне дал. Маленькая пони попала в переплёт и ждёт своего рыцаря, который её спасёт. Так что давай, нечего нюни распускать!

Виктор смотрел на девушку удивлёнными глазами, и одному Богу было известно, что за мысли проносились в голове небожителя.

— Вдруг в борделе всё же была она? — спросил вдруг парень, — А её жизнь — искусственные воспоминания...

«Вот о чём ты думал всё время», — подумала Серафима, а вслух сказала:

— Забудь, игра не стоит свеч. Переписать поведенческую программу и сгенерировать искусственные воспоминания — это не просто мозги промыть. Это вообще стоит дороже, чем сам синтез, причём намного. Никакая перепродажа краденого это не окупит.

Серафима не знала наверняка, верно ли сказанное, но изо всех сил надеялась, что это действительно так. Впрочем, на то были основания. Виктор хотел сказать что-то ещё, но девушка вновь успела первой:

— И не слушай всяких радужных алкоголичек, себе дороже. То что я услышала от другой Леры, даёт основания считать, что она куда сильнее, чем кажется. И уж точно не покончит с собой из-за чьей-то пьяной болтовни. Давай, лезь в машину, надо отвезти тебя домой.

— А который час? — вдруг спросил Вик, — КПП в Белый город закрываются в девять.

Серафима бросила взгляд на наручный коммуникатор.

— Проклятье, сейчас уже семь часов. До центра езды часа два — два с половиной, можем не успеть. Может, вызовешь свой флаер?

Виктор задумался, потом виновато улыбнулся:

— Исходящие автоматические полёты после шести вечера запрещены. Флаер попросту не выйдет из ангара.

— Но почему?

— Есть несколько причин... или поводов, как посмотреть. Вечером начинаются грузоперевозки на тяжёлых флаерах, дирижаблях и стратолайнерах. В плотном движении автопилоты менее приоритетного транспорта иногда сбоят, телеметрия поступает с опозданием. А задержка в секунду-другую может обернуться настоящей катастрофой.

— Почему ты раньше не... — начала было Серафима, потом махнула рукой, — а, забудь. Садись в машину.

— Поедем в отель? — спросил Вик.

Серафима фыркнула:

— Скажешь тоже. Просто ко мне, — она перехватила удивлённый взгляд и добавила: — Если не побрезгуешь, конечно.

— Я не это... — парень было смутился, но заметил улыбку собеседницы, — А, чтоб тебя с твоими шуточками! Нет, не побрезгую.

Улыбка Серафимы стала шире:

— Конечно, не обещаю того комфорта, к которому ты привык. Простая берлога в Сером.

— Как-нибудь переживу, — ответил Виктор, залезая в машину вслед за девушкой, — Мне доводилось спать даже в палатке. В детстве отец частенько меня таскал в походы.

Серафима, заводя мотор, хихикнула:

— Представляю. С климат-контролем, нанопокрытием и дроном-охранником.

Виктор не обиделся:

— Дрона не было.

Когда машина тронулась с места, в ней раздавался искренний двухголосый смех...

...Квартирка, в которую к самому вечеру привезла Виктора Серафима, скрывалась в недрах жилого массива, примыкающего к Бисмарк-авеню.

Пока они ехали, Виктор спросил, кто такой был Бисмарк, но Серафима не знала. Наверное, решили оба, он владел каким-нибудь крупным бизнесом — автомобильным, например. Серафима это предположила, вспомнив марку устаревшего кроссовера «Опель Бисмарк».

За металлической дверью скрывалась тесная прихожая, соединяющая довольно просторную комнату с совмещённым санузлом и кухней. Виктор постарался не подать виду, когда вздохнул с облегчением. Признаться, он ожидал куда худшего. Например, спального места в общежитии.

— От предков квартирка досталась, — прочитала его мысли Серафима, — Проходи, будь как дома.

Она зажгла свет и вскоре загремела посудой на кухне.

Виктор, пройдя в комнату, обратил внимание, что свободного места тут явно больше, чем требуется. Кровать, которая вполне могла бы сойти за двуспальную, стояла у замызанного снаружи окна. Тумба с телевизором, двухмерный экран которого был встроен прямо в корпус, скромно прижималась к стене. В углу лежала просто куча одежды, а пол покрывал потёртый ковёр. Собственно, этим интерьер ограничивался, оставляя в комнате ещё немало места.

Привыкший к практически стерильным поверхностям Виктор не сразу разобрался, что удивительная смесь запахов — это просто пыль, старый ковёр и немного машинного масла. А ещё — неуловимый, нежный аромат женского жилища.

На ужин Серафима приготовила какие-то сублимированные продукты, но Виктор не привередничал, хотя и чувствовал, что жуёт совсем не то, чем еда казалась на первый взгляд. Но нечто, при наличии воображения способное показаться овощным супом, всё же прогнало вяжущее чувство голода.

Серафима, доев свою порцию, заявила не терпящим возражений тоном:

— Ложись на кровать.

— А ты?

— А я на пол.

Виктор посмотрел в карие глаза и возразил:

— Серафима, ну так же нельзя. Мало того, что в гости завалился, так ещё и с кровати тебя сгонять.

Но ответ уже был готов:

— Я всегда на полу сплю. На твёрдом оно полезнее, когда работа сидячая. Так что не гунди и ложись. Если хочешь в душ или ещё куда, видел где. Надеюсь, с кранами справишься?

— Не считай меня совсем уж беспомощным, — обиделся Виктор, — В Белом городе ещё не забыли, для чего руки нужны.

Серафима только улыбнулась.

...Лёжа в темноте некоторое время спустя, она вслушивалась, как ворочается на постели парень из Белого города. Замирает на несколько минут, но вскоре всё начинается заново.

— Тебе уже пора спать, — сказала, наконец, Серафима, которую достало это шебуршание, — Неужели ты не устал?

— Я не смогу уснуть, — последовал ответ.

— Завтра нам предстоит объездить полгорода, Вик.

Ответ последовал не сразу:

— Нам? Но я же тебе заплатил только за один день.

— Ты мне заплатил столько, сколько за один день я в жизни не заработаю. Так что давай, угомонись уже.

— Ты вовсе не обязана...

Виктор не договорил, услышав тихий вздох с пола, где на тонком матрасе лежала девушка. Послышался шорох одеяла, потом кровать качнулась. Виктор в темноте разглядел стройный силуэт на фоне чуть более светлого окна.

Силуэт, грациозным движением избавившийся от футболки.

Виктор привстал на локтях, но был остановлен тонкой рукой.

— Тебе надо расслабиться, парень.

Не дожидаясь ответа, она впилась ему в губы страстным поцелуем, после чего ловким движением оказался под одеялом.

— Я не могу так, — хрипло выдавил Виктор, когда между поцелуями наступила небольшая пауза.

Положа руку на сердце, его опыт в этой сфере ограничивался виртуальной реальностью. Да, там был полный эффект присутствия, но Виктору, как и огромному количеству других молодых людей из Белого города, не с чем было сравнивать.

Компания давала гарантию, и никто её не оспаривал. И это было проще, чем реальные отношения.

Серафима не ответила, но её руки и язык, казалось, жили собственной жизнью.

Виктор, которого проняла нервная дрожь, не решился протестовать. Да и, признаться, ему совершенно не хотелось этого делать.

Тело Серафимы было гладким и упругим, в отличие от нежных моделей из киберпространства. Гибкая как ящерица, девушка оказалась умелой и страстной. Виктор про себя отметил, что с рафинированной лаской виртуальных блудниц у неё совсем мало общего.

И это было прекрасно.

Много после, засыпая и сжимая в объятиях утомившуюся Серафиму, Виктор подумал, что напишет жалобу на разработчиков виртуальных грёз.

Никакого сравнения с настоящей девушкой их программы не давали, несмотря на хваленый «эффект присутствия»...

* * *

Утро над свалкой сопровождалась лишь редкими криками птиц, что пытались найти гнездовые здесь, среди гор шлака и мусора. К счастью, большая их часть кружила над более «свежими» зонами, где ещё встречалась относительно съедобная органика. Но туда Джерри не сунулся бы и за все сокровища мира.

И не только из-за опасности быть склеванным каким-нибудь стервятником.

Мышь поморщился, вспомнив, как однажды чуть не задохнулся, пробираясь через горы разлагающихся помоев, и как потом пришлось сбрить всю шерсть, чтобы избавиться от паразитов. Хорошо ещё, ничем не заразился и не слишком надышался продуктами разложения.

С тех пор он держался от действующих свалок подальше, даже если живот сводило от голода.

Над столом, где сидел рано проснувшийся Джерри, висел голографический экран, по которому быстро бежали колонки строк.

Вскрытый электронной отмычкой чемоданчик на поверку оказался сверху донизу забит блоками информационных носителей странной конфигурации, собранными, по всей видимости, в единый кластер. Шлейф ввода-вывода, несмотря на весьма экстравагантный внешний вид, вполне подходил к стандартному гнезду — но, похоже, лишь благодаря обратной совместимости.

Сейчас мыш символ за символом наблюдал, как раскодируется мастер-сектор, и настроение его с каждым байтом портилось всё сильнее.

Его внимание привлекло то, как резко Скуталу села на матрасе, испуганно выпучив глаза.

— Что такое? — осведомился Джерри, — Плохой сон?

Пегасенка нервно сглотнула и ответила:

— У меня такое ощущение, что кто-то прошёл рядом с моей могилой.

Джерри вздохнул.

— Скут, ты слишком много читаешь комиксов на ночь.

Ли́ра тоже пошевелилась, разбуженная вознёй Скуталу и голосами.

— С добрым утром, девочки, — добавил Джерри, — Я погрел воды, умывайтесь.

Голос у него был мрачный. Когда пони подошли к столу, Джерри показал на экран и сообщил:

— У нас проблемы. Очень большие проблемы.

— Что там? — спросила Скуталу, — Мы не сможем это продать, да?

— Суть не в этом. Мы не сможем это даже расшифровать. В кейсе находится массив данных умопомрачительного объёма, который на первый взгляд кажется повреждённым, но, сдаётся мне, просто накрыт асимметричным криптоалгоритмом высокой разрядности.

— Крипто... Аси... Что?! — растерялась Скуталу, — Сам дурак!

— Короче. Единственное, что мне удалось прочесть — это мастер-сектор. Для соблюдения протоколов чтения-записи, шифр на нём стоял стандартный, а он уже полгода как скомпрометирован. Как обычно, Дискорд таится в мелочах, — невесело усмехнулся Джерри и продолжил, — Кроме команд инициализации, там оказалось всего несколько каталожных заголовков, но уже из одних их имён и метаданных следует, что мы крепко влипли.

— Ну что? Что там такое может быть?

— Ты ведь знаешь: синтеты не могут размножаться естественным путём. Так вот, судя по описаниям, здесь в закодированном виде записана формула мутагена, который решает эту проблему и для реципиента, и для его потомков. Мутаген универсален для всех синтетов. На момент записи было синтезировано пять доз.

Пони переглянулись. Скуталу поморщилась.

— Я-то думала, — фыркнула рыжая пони и высунула язык, — а тут... формулы-шмормулы. Стоило весь день бегать по городу из-за такого. Надо было бросить.

Ли́ра же, потрепав малышку по гриве, вдруг рассмеялась:

— Это же свобода, Джерри! Для всех, кто... как ты сказал? Не может размножаться? Теперь сможет!

Джерри, глядя в глаза единорожке, мрачно протянул:

— Это приговор. Всем, кто хотя бы узнал о существовании такого. Синтеты, способные самостоятельно жить за пределами Гигаполисов, в ничейных землях — угроза для человеческого общества. Теперь всё встаёт на места. И настырность полиции, и охотники корпорации. Не удивлюсь, если подключат ещё кого-то.

— Да что такого-то? — спросила Скуталу, — Экая важность...

— Это только первая часть, так называемый «Ключ Жизни». Она является компонентом другого проекта, глобального. Называется «Оверлорд». К сожалению, на маркере структуры с метаданными закончился сектор — но рискну предположить, что все эти бешеные петабайты информации относятся именно к нему. И что-то мне подсказывает, что гонялись за нами больше из-за него.

— А не то ли это, о чём говорил Пророк? — спросила Скуталу, вглядываясь в колонки цифр и строки малоразборчивых символов, — Фу ты ну ты, ничего не понятно.

— Что ещё за Пророк? — спросила Лира.

— Пророк... — Джерри задумался, — Знаешь, это очень долго объяснять. Никто не знает, кто он, и существует ли вообще.

— Не понимаю.

Скуталу пояснила:

— В киберсети, в печати и на стенах Серого города иногда появляются... плакаты и статьи. Пророк пишет о месте, где синтеты могут укрыться от людей. Подписи там никогда нет, и все прозвали автора Пророком...

— Не совсем, — перебил Джерри, — Пророк всегда пишет очень туманно. Но все сходятся в одном: где-то есть место, где не важно, синтет ты или нет. Где все счастливы, без исключения. Как в этой вашей Эквестрии.

Лира улыбнулась:

— Значит, всё же есть кто-то, кто хочет изменить этот мир, да?

— Можно и так сказать... Но как попасть в этот неведомый край благоденствия, никто не знает. Пророк по этому поводу не даёт указаний. Звучит примерно так... — мыш сделал паузу и процитировал нараспев: — И отворивши дверь, шагнёшь ты в край, где равен будешь прочим. Оставишь за порогом горести и беды. Лишь сдалай шаг и цену заплати... Ну и так далее. Никакой конкретики. Но достаточно ясно, что просто так туда не пустят.

— Нам надо спросить совета, — резюмировала Скуталу, — У него.

Она выделила последнее слово. Джерри, подпрыгнув, спросил:

— Надо — в смысле, «было бы неплохо»?

— Нет, — покачала головой пегасенка, — категорически острая нужда...

— Вы о ком? — спросил Лира, — Вы же говорили, Пророка никто не видел?

Ответил ей мыш:

— Мы об огромном, старом, и очень умном существе, — он сделал паузу и добавил: — Иногда мне кажется, что слишком умном...

— Он всяко умнее нас троих вместе взятых, — добавила Скуталу, чем вызвала возмущённый вопрос Лире:

— Это ещё почему?

— Возможно, потому, что он живёт больше ста лет, — пояснил Джерри и скосил глаза на Лире, — Действительно живёт.

Повисла пауза. Тишину нарушило тихое бурчание в животе единорожки.

Скуталу захихикала, глядя на смущённую мордочку Лире.

— Поедим, когда вернёмся, — сказал Джерри, — Не так много у нас еды в этот раз.

Лира постаралась, чтобы её тоскливый вздох прозвучал не слишком громко. Так уж вышло, что единорожке никогда, ни в старой жизни, ни в новой, не приходилось отказываться от еды в целях экономии. Тем более — голодать. Эквестрия — процветающий и сытый край, а дома у Виктора всегда были наготове и сладости, и свежие продукты.

Но здесь выбирать не приходилось, и вскоре вся троица покинула уютный домик на колёсах.